

royal master and mistress? What was Poland to the Czar? What Greece to the Turk? What India to England? What at last will Mexico be to the United States? All Loose-Fish (G. Melville. Moby-Dick or, The Whale. Ch. LXXXIX. Fast-Fish and Loose-Fish).

Оценка образа *John Bull* как культурного феномена со стороны современников во многом противоречива. Этот образ получает положительную оценку в английском обществе, но оценивается иначе с позиций представителей других лингво-культурных сообществ.

Дальнейшая перспектива исследований видится в изучении изменений, произошедших с лингвокультурным типажом *John Bull* в последующие исторические периоды. Отметим, что для носителей современной лингвокультуры более актуальными оказываются *Briton* или *Brit*, что, возможно, связано со сменой идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажы России и Франции XIX в.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 40 с.
2. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р.Валент, 2005. – 416 с.
3. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 376 с.

С.В. Мкртычян

МОДЕЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Возрастающий интерес к изучению делового дискурса обусловлен целым рядом взаимосвязанных факторов. Полипарадигмальность современного научного знания, в частности, антропоцентризм знания лингвистического смыкаются в конечном итоге с сугубо практическими потребностями общества в активных знаниях, направленных на оптимизацию деятельности человека в широком смысле. С этих позиций категория управленческого коммуникативного стиля представляет собою несомненно актуальный объект исследований, прежде всего в силу универсальности среды его функционирования – управленческого дискурса, в той или иной мере покрывающего любую деловую коммуникацию, вне зависимости от расплывчатости понимания самого термина «деловое общение».

Приступая к изучению управленческого коммуникативного стиля (далее – УКС) методом моделирования (описание которого и составляет предмет данной статьи), мы должны предварительно выдвинуть рабочую гипотезу, а также однозначно определить объект и метод исследования.

royal master and mistress? What was Poland to the Czar? What Greece to the Turk? What India to England? What at last will Mexico be to the United States? All Loose-Fish (G. Melville. Moby-Dick or, The Whale. Ch. LXXXIX. Fast-Fish and Loose-Fish).

Оценка образа *John Bull* как культурного феномена со стороны современников во многом противоречива. Этот образ получает положительную оценку в английском обществе, но оценивается иначе с позиций представителей других лингво-культурных сообществ.

Дальнейшая перспектива исследований видится в изучении изменений, произошедших с лингвокультурным типажом *John Bull* в последующие исторические периоды. Отметим, что для носителей современной лингвокультуры более актуальными оказываются *Briton* или *Brit*, что, возможно, связано со сменой идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 40 с.
2. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р.Валент, 2005. – 416 с.
3. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 376 с.

С.В. Мкртычян

МОДЕЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Возрастающий интерес к изучению делового дискурса обусловлен целым рядом взаимосвязанных факторов. Полипарадигмальность современного научного знания, в частности, антропоцентризм знания лингвистического смыкаются в конечном итоге с сугубо практическими потребностями общества в активных знаниях, направленных на оптимизацию деятельности человека в широком смысле. С этих позиций категория управленческого коммуникативного стиля представляет собою несомненно актуальный объект исследований, прежде всего в силу универсальности среды его функционирования – управленческого дискурса, в той или иной мере покрывающего любую деловую коммуникацию, вне зависимости от расплывчатости понимания самого термина «деловое общение».

Приступая к изучению управленческого коммуникативного стиля (далее – УКС) методом моделирования (описание которого и составляет предмет данной статьи), мы должны предварительно выдвинуть рабочую гипотезу, а также однозначно определить объект и метод исследования.

Мы исходим из того, что УКС обнаруживает себя осознанным и/или неосознанным выбором речевых тактик, реализуемых посредством тактических ходов, которые наблюдаются в поверхностной структуре текста в употреблении конкретных языковых средств, и детерминирован определенными форматами знания. Под форматами знания вслед за Е.С. Кубряковой мы понимаем «"объединения структур знания" (в широком смысле) в определенные целостные единства» [14: 13].

Исходя из психолингвистического подхода, мы учитываем специфику функционирования языковых «живых» знаний, которые рассматриваются А.А. Залевской как «средства познания и общения» [9: 39], как «достояние индивидуального сознания и подсознания» [9: 51]. Кроме того, соглашаясь с Т.Г. Винокур, полагаем, что «вне речевой деятельности <...> изучать такую категорию, как стиль, затруднительно» [5: 104].

Наша гипотеза заключается в том, что основным стилеобразующим фактором устного управленческого дискурса выступает семантическая категория «свой круг», которая моделируется категориями разного уровня: базовыми концептами («СВОЙ» – «ЧУЖОЙ») и интерактивными фреймами (речевыми тактиками). На «пути от мысли к слову» при переходе от ментальных репрезентаций к вербализации (поверхностным структурам текста) во внеречевой фазе задействованы промежуточные пусковые «скрытые» (термин С.Д. Кацнельсона) механизмы (структуры).

Методом исследования УКС является моделирование. В целом моделирование признано общенаучным методом познания, которому посвящены работы А.Г. Алейникова, М. Вартофского, Ю.В. Геронимуса, А.А. Леонтьева и др. Моделирование процессов речевой деятельности связано с именами А.А. Залевской, И.А. Зимней, Е.С. Кубряковой, А.А. Леонтьева, А.Ф. Лосева, Б.Ю. Норманна, И.И. Ревзиной, Н. Хомского и др. Подробный обзор лингвистических моделей сделан в [29: 218–261].

Основные принципы психолингвистической теории моделирования, обобщенные Е.В. Харченко в докторской диссертации «Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах» [29: 246–247] и положенные в основу разработанной нами модели управленческого коммуникативного стиля, сводятся к следующему:

- модели, адекватно отображающие речевое общение коммуникантов, должны учитывать как внутренние (психологические и психофизиологические), так и внешние (социальные и социально-психологические) координаты речевой коммуникации;
- при моделировании конструируется другой – реальный или воображаемый объект, изоморфный данному в каких-то существенных признаках;
- допускается множественность моделей одного и того же моделируемого объекта;
- модель речевого акта опирается на общность знаковых средств и определенную общность социального опыта коммуникантов;

- влияние ситуации общения на речевую деятельность человека опосредовано его сознанием; изменение структуры ситуации общения оказывает влияние на речевую деятельность коммуникантов только в том случае, если оно отображено в субъективном образе ситуации общения, сформировавшимся у коммуникантов;

- для процесса общения в конкретном коммуникативном акте существуют ролевой репертуар и иерархия ролей, поскольку ролевой репертуар личности в данном обществе предполагает регламентированный ролевыми ожиданиями определенный объем знаний, навыков и умений, привносимый в коммуникативный акт;

- моделирование само по себе не является единственным средством познания объекта: оно всегда представляет собой лишь один из компонентов более общей теории объекта или группы объектов и требует дополнения экспериментом, с помощью которого модель можно верифицировать, устанавливать ее эвристическую ценность.

Объектом моделирования является УКС. Расплывчатость очертаний и полисемантичесность ключевого для данной работы термина «стиль» обязывает его уточнить. Модель УКС основана на понимании УКС как *типичной/типовой манеры коммуникативной деятельности* руководителя.

Деятельность – «динамическая система взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализация опосредованных им отношений субъекта в предметной действительности» [23: 101]. «Деятельность имеет три стороны: мотивационную, целевую и исполнительную. <...> Структурность и целенаправленность – вот две важнейшие характеристики всякой человеческой деятельности» [16: 26–27]. Трактовка речи как деятельности впервые дана в отечественной науке Л.С. Выготским, выдвинутые им положения развиты в работах его последователей, прежде всего А.А. Леонтьева. «Строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий» [Op. cit.: 27]. В рамках данной работы мы не ставим перед собой цель дать обстоятельную характеристику деятельностной онтологии Л.С. Выготского, что увело бы нас далеко в сторону, но сосредоточиваем внимание на том существенном, что связано с нашим определением УКС. Три стороны речевой деятельности, ее структурность и целенаправленность учтены в разработанной модели. При этом мы используем термин *коммуникативная деятельность* с целью фокусировки внимания на коммуникативной функции языка и на интерактивности управленческого общения.

Безусловно, мы не отождествляем стиль ни с деятельностью, ни с дискурсом, ни с «функциональной речевой разновидностью» (термин Т.Г. Винокур). Стиль – это манера. *Манера* – мотивированный и целенаправленный способ организации коммуникации. Словарное значение «манеры» нуждается в комментарии: манера – «1. Способ что-н. делать, та или иная

особенность *поведения*, образ действия. 2. Внешние формы *поведения*» [20: 350. Курсив мой. – С.М.]. В соответствии с толкованием, манера связывается с поведением.

Поведение – «присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической активностью)» [23: 276]. Термин *коммуникативное поведение* впервые был использован И.А. Стерниным в 1989 г. в работе [27: 279–282], где под коммуникативным поведением понимается «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [Ibid.]. В таком понимании изучение коммуникативного поведения сводится к описанию норм и традиций общения того или иного социума. Т.Г. Винокур говорит о *речевом поведении*, которое рассматривается как промежуточное звено между речевой деятельностью и речевым поступком, соединяющее деятельность и коммуникативную сторону, впитав в себя целенаправленность, психологичность и социологичность (см.: [4: 12–14]). При обращении к когнитивному моделированию УКС становится очевидно, термин *поведение* не предполагает того широкого диапазона соответствующих дериватных возможностей, которые нужны для использования в работе.

Предлагаемая модель УКС построена на типологии, которая основывается в первую очередь на одном из центральных понятий теории менеджмента – стиле руководства, а также на типологии устного делового дискурса, подробно описанной нами в [17: 35–80]. При этом *стиль* и *дискурс* мы, как отмечено выше, не отождествляем, позволяя себе не согласиться с высказыванием Ю.С. Степанова о том, что «термин "дискурс" (фр. discours, англ. discourse) начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально в значении, близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин "функциональный стиль" (речи или языка). Причина того, что при живом термине "функциональный стиль" потребовался другой – "дискурс", заключается в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете» [26: 670].

В пользу правомерности соотношений *стиля общения* и *стиля руководства* свидетельствует и сам подход, положенный в основу типологизации стилей руководства, – «целевая направленность деятельности руководителя на выполнение производственных задач или формирование человеческих отношений» [1: 5. Курсив мой. – С.М.]. Авторы популярной управленческой типологии стилей руководства (Р. Лайкерт «Человеческая организация», Р. Блейк и Дж. Моутон «Научные методы управления») отошли от раннего психологизма (Д. Мак-Грегор «Человеческий фактор в производстве» теория Х-эффективности и теория Y-эффективности), выдвинув концепцию трех стилей (авторитарного, демократического и либерального) (см. об этом в [Op. cit.: 6–7]).

Под *стилем руководства* в менеджменте традиционно понимают «качественную характеристику деятельности руководителя, совокупность конкретных способов его воздействия на исполнителей» [3: 165]. Особенности каждого из стилей руководства как качественной характеристики деятельности руководителя резюмированы в табл. 1, составленной на основе курса теории менеджмента, автором которого является известный отечественный специалист в этой области В.Р. Веснин [3].

Таблица 1. Менеджеральные особенности стилей руководства

Характеристика	Стиль руководства		
	Авторитарный	Демократический	Либеральный
Способ принятия решений	Единоличный	Группой при консультации подчиненными руководителем	Индивидами или группой при участии руководителя или без него
Способ воздействия на подчиненных	Приказ	Предложение с аргументацией	Просьба, уговоры
Ответственность	На руководителе	В соответствии с полномочиями	На исполнителях
Инициатива исполнителей	Допускается	Поощряется и используется	Преобладает
Предпочтительные сотрудники	Исполнительные, покорные	Квалифицированные	Инициативные, творческие
Отношение руководителей к контактам с подчиненными	Соблюдает дистанцию	Активно поддерживает	Инициативы не проявляет
Отношение к подчиненным	Жесткое, требовательное	Доброжелательное, требовательное	Мягкое, нетребовательное
Требования к дисциплине	Формальные, жесткие	Разумные	Неопределенные
Способы стимулирования трудовой активности	Административные	Экономические	Моральные
Атмосфера в коллективе	Напряженная	Свободная	Свободная
Дисциплина	Слепая	Высокая	Сознательная
Интерес к работе	Низкий	Высокий	Высокий
Особенности процесса труда	Высокая интенсивность	Высокое качество	Творчество

Идея гипостазирования лингвистических объектов на экстралингвистических основаниях не нова. Ю.М. Скребнев обосновывает целесообразность соотнесения понятия «субязык» с традиционным понятием «стиль», поскольку субязыки различаются между собой стилистически. «Язык может быть представлен в виде некоторой стереометрической фигуры, в которой горизонтальные срезы разделяют уровни, вертикальные же срезы

выделяют субъязыки <...> Все субъязыки в некоторой части своих параметров совмещены; они не строго параллельны и не дискретны как некоторые данности, а характеризуются лишь потенциальной дискретностью – способностью к условному выделению» [25: 34]. Критерием их выделения считается «критерий прагматической целесообразности: гипостазируемые сферы должны обладать как социальной, так и собственно лингвистической ценностью» [Op. cit.: 36]. При потенциальном отсутствии общих классифицирующих оснований все подъязыки характеризуются более узкой по сравнению с национальным языком сферой использования. Исходя из этого, объяснимо, что «проблема истинности стилистической классификации заведомо несостоятельна» [Op. cit.: 48]. В этом отношении следует заметить, что, на наш взгляд, вряд ли можно найти достаточные основания в пользу отождествления *стиля с функционально-речевой разновидностью языка*. Суть разницы между ними легко улавливается: в «языковую структуру функциональной разновидности входит комплекс единиц всех уровней. Степень их внеязыковой обусловленности различна. Состав же функционального стиля как набора единообразно окрашенных единиц, извлеченных из всех уровней, в этом смысле однороден» [5: 58–59]. Дискурсивная стилистическая гетерогенность естественна, что не мешает нам в дискурсивном потоке выделять стилистические векторы и/или «дозировки» определенного стиля. Ситуации «чистого» стиля не типичны Т.Г. Винокур замечает, что «средства одного стиля не могут обслужить ни одну речевую действительность» [Op. cit.: 44].

Кажется уместным рассматривать коммуникативные стили в соотношении (но не отождествлении) с типами устного делового дискурса (см. табл. 2), которые являются средой их функционирования.

Таблица 2. Соотношение коммуникативных стилей с типами устного делового дискурса

Тип устного делового дискурса	Коммуникативный стиль
Директивно-императивный	Авторитарный
Аргументативно-информативный	Демократический
Этикетно-фатический	Либеральный

Человекоцентричность дискурса дает основание проводить условные параллели между стилями общения, типами дискурса и типологией личности. Н.Н. Обозов в работе «Психология межличностных отношений» указывает на то, что «своеобразным системообразующим "фокусом" типичных различий личности могут быть три компонента: когнитивный (познавательный), эмоционально-коммуникативный и практический» [19: 20]. Перечисленные компоненты пронизывают все уровни организации человека. «Анализ таких фундаментальных категорий, как сознание, потребность, субъект, общение, деятельность, поведение, личность, отношения, также обнаруживает все три составляющие» [Op. cit.: 21]. Отметим, что три осно-

вания классификации строятся не логически, а феноменологически с учетом реального существования в психике трех составляющих, структуры и функций единой системы. Очевидно, что мера выраженности компонентов может быть различной.

Тезис о трехкомпонентной структуре личности в цитируемой работе широко проиллюстрирован многочисленными трехкомпонентными классификациями типов личности, которые, в частности, предлагают Э. Кречмер, У. Шелдон, Г.И. Акинщиков, Б.Г. Ананьев, Н.П. Дубинин, С.А. Рубинштейн, А.Д. Лазурский, В.Н. Мясищев, Э. Берн, Э. Шпрангер.

Н.Н. Обзоров выдвигает свою классификацию, выделяя следующие типы личности: когнитивный («мыслитель»), аффективный («собеседник») и практический («практик»). Приведенная классификация интересна нам прежде всего ее использованием в подходе к назначению отношений в группах. Н.Н. Обзоров делает некоторые выводы об «ориентации руководителя», которая обусловлена доминантностью его типа личности, т.е. «трехкомпонентная концепция позволяет типизировать ... руководителя группы» [19: 43], а значит, и стили руководства, в том числе и коммуникативные стили. «Директивность стиля руководства практического типа наиболее вероятна; коллегиального, как аффективного (коммуникативного) типа – также достаточно очевидна, и, наконец, попустительство интравертированного когнитивного типа зримо просматривается в представленной типологии» [Ор. cit.: 44].

Менеджеральные особенности стилей руководства, перечисленные в табл. 1, хорошо коррелируются как с типами личности, так и с их количеством.

При моделировании УКС мы исходили из функционального понимания задач стилистики, возрождение которой связываем с фокусировкой ее интереса на коммуникативно значимом варьировании языкового употребления «в парадигматическом (ролевом) и синтагматическом (ситуативном) разрезах» [4: 55–56], которое демонстрирует конечный этап языкового отбора, организующего высказывание.

Пусковым механизмом языкового отбора, как мы полагаем, можно считать *потребности* говорящего, его *социально и психологически обусловленную мотивировку*, поскольку «общение не есть по своей природе индивидуальный процесс <...>, но процесс социальный, процесс осуществляемый внутри общества для нужд общества» [15: 132–133]. При этом социальную обусловленность, вслед за А.А. Леонтьевым, мы понимаем не линейно (бихевиористски); речь идет о двойной социальности, т.е. «анализируя социально ориентированное общение, мы не можем не заметить, что субъект этого общения как бы удвоен. С одной стороны, непосредственно осуществляет такое общение, как правило, один человек как личность. <...> Но, с другой стороны, по существу субъектом такого общения является тот или иной коллектив или общество в целом: в социально ориентированном общении коммуникатор всегда представляет, репрезентирует

мнения, убеждения, информацию социального коллектива или общества» [Op. cit.: 250]. Иными словами, сама предметность как конституирующее свойство деятельности имеет социальную природу. Основываясь на теории речевой деятельности, мы моделируем категорию управленческого коммуникативного стиля, исходя из того, что «социальное "не дано" через деятельность, проблема не стоит как проблема "социальности и деятельности": это в действительности вопрос о сущности самих объектов деятельности и о социальности человеческого сознания, отражающего эти объекты в процессе деятельности и благодаря ей» [15: 242].

В связи с изложенным выше понимание стиля как «коннотативного аспекта строения языковой системы» [24: 16] направляет вектор исследовательского внимания не на то, чтобы изучить перечень стилистически маркированных языковых средств, а на то, чтобы «понять закономерности строения коннотативной системы языка», «выявить закономерности формирования коннотативного аспекта дискурса» [Op. cit.: 19], тем более что, как отметил Г.О. Винокур, «без подобного субъективного дополнения в реальной действительности язык вообще невозможен» (цит. по: [4: 6]). Здесь следует попутно напомнить, что денотация и коннотация представляют собой такие языковые универсалии, которые заложены в языке и, являясь основными способами подачи, переработки и восприятия информации, участвуют в производстве дискурса (см. об этом в [24]), а «стилистика изучает и дает описание коннотативного аспекта строения языковой системы и коннотативного аспекта дискурса и дискурсов во взаимодействии с денотативным» [Op. cit.: 19].

Задача осложняется тем, что в отличие от других лингвистических дисциплин, которые имеют свои собственные единицы (к примеру, фонетика – фонемы, морфология – морфемы, лексикология – лексемы и т.п.), у *стилистики нет своих особых языковых единиц*. На языковом уровне формирование стиля происходит путем «суммирования "неконцептуальных" элементов значения единиц всех уровней (ср. *Не занимайтесь делами, которые не входят в вашу компетенцию. – Не лезь (не суйся, не суй нос, не встревай) не в свое дело. Тебя тут только не хватало*), что позволяет подчеркнуть тот или иной оттенок высказывания, придать высказыванию разную стилистическую окраску, усилить или ослабить эмоциональное воздействие» [24: 20]. В каждую историческую эпоху стилистические значения бывают *условно* закреплены за единицами языка как своего рода отпечаток их преимущественного употребления в определенных контекстах и ситуациях, однако при этом всегда возможны некоторые диахронические модуляции.

Если вести речь о неязыковом (когнитивном) уровне, то стилистический выбор, как мы полагаем, можно связать с реализацией концепта, которая представляет собой, по словам Ю.Е. Прохорова, «некоторую *преференцию*, некоторый *выбор*, некоторое *предпочтение* тех или иных

правил, способов и средств организации данного конкретного общения» [22: 288. Курсив мой. – С.М.]. Развивая эту мысль, Ю.Е. Прохоров продолжает: «не случайно в различных коммуникативных пространствах об одном и том же можно сказать одной и той же конструкцией, а в одном коммуникативном пространстве об одном и том же можно сказать по-разному, с учетом личностных характеристик общающихся. Что из этого следует? Очевидно, все, что относится к концепту, обладает двумя взаимосвязанными характеристиками: это и некоторое множество существующих понятий и их вербальных именовании, исторически сложившихся в общении на данном языке в данных условиях действительности – с одной стороны, и, с другой – правил личностного включения индивида в процесс социально, исторически и корпоративно установленных на данный момент правил этого общения, закрепленных в концептах. То есть: во-первых, индивид попадает в уже имеющийся набор правил, которые для него на определенном уровне их постижения неясны, неопределенны и непостижимы – но они уже существуют. Во-вторых, в процессе социализации, он их "систематизирует", приводит в некоторый порядок, начинает осознавать и "следовать" им. Это следование приводит к тому, что он начинает четко представлять себе, в какой ситуации, в каком коммуникативном пространстве те или иные вербальные средства "подходят" для достижения целей своего общения. То есть уровень его референции, которой он овладел, позволяет находить средства для реализации – лично и ситуативно – его предпочтений. И так происходит в каждый момент общения» [Op. cit.: 288–289]. Поиски ответа на вопрос, почему сказано именно так, неизбежно связаны с психолингвистикой, в частности, с психолингвистическим моделированием УКС. Ограничение задач лингвостилистики анализом самих речевых сигналов вряд ли оправдано, несмотря на то, что в них мы и видим реальный результат стилистического отбора. Т.Г. Винокур отмечает, что в последнее время тенденция сближения лингвостилистики с психолингвистикой заявляет о себе довольно настойчиво [5: 63]. К сожалению, подобного рода работ нами не обнаружено.

Предлагаемая модель УКС имеет ядро, состоящее из статической и динамической составляющих, а также «пусковые» механизмы.

Ядро УКС – семантическая категория «свой круг», представленная двумя оппозиционно-диффузными концептами «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ», формирующими статическую составляющую ядра. Предварительно определим, что под концептом мы понимаем *полиструктурную семантическую модель, которая отражает ценностные социокультурные доминанты поведения человека (в том числе и коммуникативного)*, в частности, в сфере делового общения. Здесь следует заметить, что смещение фокуса исследовательского внимания к функциональной стороне языка обусловило появ-

ление термина «концепт», фиксирующего существенные изменения в представлении о значении слова. Это привело к новому пониманию значения «как функционального образования с принципиально динамической структурой, способной выстраивать иерархию своих элементов в зависимости от целей и условий говорения» [21: 71]. Такое понимание значения, которое вслед за В.А. Пищальниковой мы называем концептом, стало предпосылкой создания когнитивной модели значения, «отражающей представления лингвистов о значении как познавательной (когнитивной) структуре» [Ibid.]. Как и другие модели, концепт позволяет рассматривать языковое значение в двух аспектах: в аспекте его порождения на ментальном уровне и с аспекте его функционирования в дискурсивной ткани. Подобный функциональный подход к пониманию значения открывает исследовательские перспективы, связанные не только с моделированием его коннотативной составляющей с использованием психолингвистических методов, но и с активным вовлечением концепта в когнитивные модели категорий более высокого уровня, в частности, коммуникативного стиля.

Напомним, что наша модель основывается на расширительной трактовке делового общения, включающего в себя межличностное взаимодействие (взаимодействие по линии «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ») как ядерное с точки зрения его эффективности (см.: [17]), что мотивирует выдвигание концептов данного рода на первый план.

Другим существенным аргументом в пользу данной концептуальной системы как ядерной в предлагаемой модели является основной критерий выделения стиля, обоснованный Т.Г. Винокур в работе «О содержании некоторых стилистических понятий» [5]. Позицию этого автора мы принимаем и учитываем. «Для определения функциональных стилей такой признак, как отсутствие или наличие эмоциональности или экспрессии, сам по себе недостаточен; но "пропущенный" через призму "типической речевой ситуации" он может занять свое место, поскольку именно здесь есть возможность подойти к экспрессии с других позиций, вложить в нее "надындивидуальный", собственный социально-лингвистический смысл. Заметим сразу, что при этом на первое место выходят *реальные общественные взаимоотношения говорящего и слушающего* и "образ" участников речевого акта становится неотделимым от их отношения к высказыванию. Иными словами: отношение к высказыванию осуществляется через *взаимоотношение участников коммуникации*» [Op. cit.: 60. Курсив мой. – С.М.].

Система «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» как любая концептуальная система опирается на специфические, значимые, принятые в обществе на каждом историческом этапе его развития социальные, культурные, эстетические и другие ценности, на социально значимую для определенной эпохи «картину мира». Усвоение этой системы предопределяет модели поведения.

«Содержание социальных ценностей конструируется общественными институтами всех социумов у тех предметов, действий, явлений которые становятся со-

циально значимыми <...>. Социальные ценности служат для членов общества ориентирами поведения людей, адаптированного к требованиям социума. Для лингвистического анализа содержания ценности важно иметь в виду, что это содержание конструируется от имени социума общественными институтами и существует как в эталонной (в толковых словарях и трактатах философов), так и в индивидуальной форме (в индивидуальном сознании). В связи с этим в аксиологии используется представление о трех формах ценностей: как общественный идеал; как объективированная форма в виде материальных и духовных произведений и поступков людей; как часть психологической структуры личности в форме источников мотивации ее поведения» [18: 27].

Модели поведения человека как общественно приемлемая норма (одобряемый идеал) фиксируются, в частности, в использовании серии пословиц и поговорок, бытующих в культурно обусловленном опыте любого народа, при выражении оценки поступков и даже помыслов. Усвоение языка происходит одновременно с усвоением системы категоризации мира, системы опыта и знаний, и, наконец, системы ценностей [13: 33]. Управленческий коммуникативный стиль отражает «выражение приверженности говорящего некоторой допускающей формальное выражение ценности» [4]. В качестве такой ценности при социальном включении личности (профессиональной реализации) мы можем назвать социально и психологически обусловленную диспозицию РУКОВОДИТЕЛЬ – ПОДЧИНЕННЫЙ на шкале «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ», которую мы называем точкой *фиксирования концептуальной оппозиции*.

Иными словами, социально-психологически обусловленное представление субъекта общения об оппозиции РУКОВОДИТЕЛЬ – ПОДЧИНЕННЫЙ как «слоях» концептов «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» проецируется на шкале от «своего» до «чужого» в виде *точки фиксирования концептуальной оппозиции*, положение которой является основным стилеобразующим фактором в модели управленческого коммуникативного стиля конкретного индивида. Варианты соотношений нелинейны и многочисленны по всей амплитуде колебаний от «своего» к «чужому», включая переходные варианты (см. рис. 1).

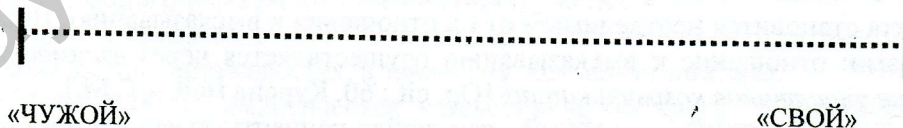

Рис. 1. Точки фиксирования концептуальной оппозиции

Об интервальности знания пишет А.А. Залевская. «Очевидно, знание как достояние индивида всегда существует как "интервальное" на какой-то специфической шкале при том или ином соотношении противопоставляемых

качеств и должно описываться по определенному набору параметров, представляющих интерес с той или иной точки зрения» [8: 50].

Точки фиксирования концептуальной оппозиции на шкале от «своего» до «чужого» можно условно соотнести с типовыми стилями управленческого общения – авторитарным, демократическим и либеральным (см. рис. 2). Такая модель охватывает многочисленные комбинированные стилистические вариации, не имеющие аналога «чистого» (авторитарного, демократического или либерального) управленческого стиля в реальной коммуникации. Чем ближе точка фиксирования концептуальной оппозиции к полюсу «СВОЙ», тем большая вероятность появления либерального стиля общения, тем ближе к полюсу «ЧУЖОЙ», вероятнее преобладание авторитарного коммуникативного стиля. Свобода, предполагаемая в либеральном стиле, соотносится с «понятием о свободе, с которым с самого начала связывалась идея принадлежности к своему коллективу, к своему роду, племени, к своей народности – словом, к своим» [30: 148. Курсив мой. – С.М.].

По сути точка фиксирования концептуальной оппозиции отражает фактор взаимоотношения участников коммуникации как стилеопределяющий. В этом случае в зависимости от стиля происходит *дозирование экспрессивности*, которую мы, вслед за В.Н. Телия, трактуем следующим образом: *экспрессивность* – «семантическая категория, придающая речи выразительность за счет взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, высказывания, текста, оценочного и эмоционального отношения субъекта речи к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире» [28: 637]. Точка между полюсами «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ», находящаяся в зоне демократического управленческого коммуникативного стиля, в большей степени соответствует нейтральной отметке (условно «0»). Следовательно, в речевых тактиках этого стиля общения экспрессивность минимизирована (этот тактики подбора аргумента и аргументирования, связанные с построением доказательства). Либеральный стиль маркируется системой этикетно-фатических речевых тактик, связанных с установлением и развитием позитивного межличностного взаимодействия. Авторитарному стилю свойственны директивно-императивные речевые тактики, построенные на субъект-объектных отношениях дистанцирования. Крайние проявления либерального и авторитарного стилей общения с определенной долей условности можно маркировать знаками «+» / «-» экспрессивности. При этом мы не склонны всю сложную палитру взаимоотношений между участниками коммуникации представлять линейной алгебраической шкалой от негативного к позитивному. Возможны самые разнообразные потенциально не поддающиеся учету, исчислению и тем более исчерпывающему описанию варианты взаимоотношений. В этом случае гипотетически наша прямая должна будет принять вид кривой. Здесь уместно вспомнить замечание Ю.М. Скребнева о том, что «принципиальное различие гипостазируемого (ожидаемого) и фактически реализованного (наблюдаемого)

должно вообще рассматриваться как одно из теоретических оснований лингвистики» [25: 39].

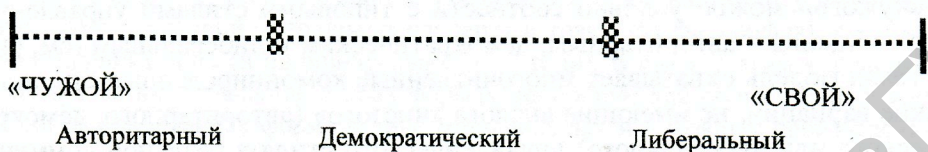

Рис. 2. Соотношение точек фиксирования концептуальной оппозиции с доминирующими управленческими коммуникативными стилями.

Описанная выше модель является *типичной / типовой*. В зависимости от положения точки фиксирования на шкале «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» у индивида задан доминирующий управленческий коммуникативный стиль как идеализированная психолингвистическая модель коммуникации отдельной личности. В таком понимании модель имеет отношение к индивидуализированным личностным смыслам.

При условии, что подчиненный соответствует образу абстрактного идеального (в значении среднестатистического, отвечающего ожиданиям) подчиненного, доминирующий коммуникативный стиль наиболее приближенно к самому себе реализуется в реальной коммуникации. Здесь требуется уточнение: в случае наиболее близкого положения точки фиксирования концептуальной оппозиции в сознании участников коммуникации наблюдается определенный стилистический унисон: ожидания с обеих сторон оказываются оправданными.

В пределах одного коммуникативного стиля точка фиксирования концептуальной оппозиции занимает индивидуальное положение, что отражает «речевую организацию» индивида и уникальность «индивидуально-личностного, эмоционально-оценочного знания»; «формирующегося в социуме через переработку знания коллективного, но не идентичного последнему» [8: 89. Курсив мой. – С.М.].

Для нас очевидно, что ментальные репрезентации как ядро коммуникативного стиля сами по себе являются только способом фиксации знания об объективной действительности, они оторваны от индивидуальности и не определяют путей языкового воплощения знания, поскольку у каждого индивида в процессе коммуникации модифицируются под влиянием разнообразных факторов, в первую очередь прагматических и интенциональных (Дж. Серль). По этой причине *модель коммуникативного стиля должна включать в себя помимо ядерных ментальных репрезентаций промежуточные структуры, являющиеся «пусковым» механизмом и обеспечивающие конкретные способы языкового воплощения. Фиксирование точки*

концептуальной оппозиции как ментальной репрезентации не имеет непосредственного вербального выражения и относится к числу «скрытых категорий» (термин С.Д. Кацнельсона), факт существования которых подтверждает отсутствие «неразрывной связи между формой и значением слова» [7: 8]. О «единицах разных уровней обобщения», которые «не всегда доступны вербализации», но при этом играют роль «опор для постоянно протекающих у человека (независимо от его воли и сознания) процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации», со ссылкой на И.М. Сеченова пишет А.А. Залевская в [10: 17].

Здесь следует обратить внимание на то, что многие предлагаемые модели порождения речи (Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, Т.В. Ахутиной и др.) начинаются с мотива и сосредоточены на механизмах перекодировки невербального в вербальное. При моделировании управленческого коммуникативного стиля представляется существенным перенесение акцента на превербальный этап речевой деятельности, «пусковой момент», который мы рассматриваем как механизм: структуру и процесс.

Применение стиля общения в реальной коммуникации обусловлено *амплификацией* точки фиксирования концептуальной оппозиции, которую мы считаем категорией психолингвистической, поскольку она как структура и процесс детерминирована личностными особенностями субъектов дискурса (находится в зависимости от степени «свойскости – «чужести» в пределах одного коммуникативного стиля). Это является фактором, обуславливающим «настройку» стилистического регистра каждого из стилей общения (см. рис. 3).

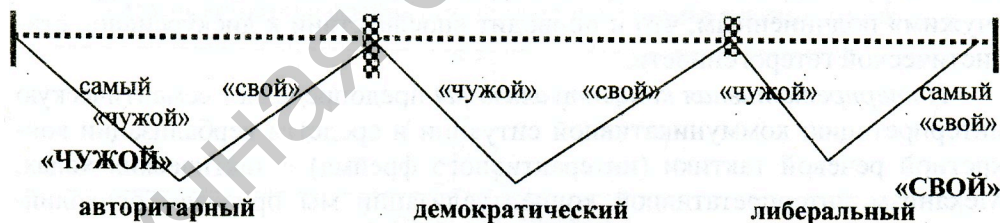

Рис. 3. Границы амплификации точки фиксирования концептуальной оппозиции в пределах каждого коммуникативного стиля

Из этого следует, что *эластичность* амплификации (или степень амплификации) точки фиксирования концептуальной оппозиции прямо пропорциональна показателю уровня тактико-риторической составляющей коммуникативной компетенции. На основе данного подхода при учете индивидуально-личностных особенностей представляется возможным выделить и описать идеализированные типовые модели управленческого стиля, на основе которых как на доминантных формируется управленческий

стиль конкретного субъекта управленческого дискурса. Мы исходим из того, что для исследования речевого поведения «более пригоден метод типизации в смысле не только лингвистической, но и социальной, и психологической основы понимания его коммуникативно-стилевых свойств» [4: 55. Курсив мой.– С.М.].

Динамическая составляющая ядра как следующая ступень от «мысли к слову» может быть описана в единицах интерактивных фреймов, которые мы называем речевыми тактиками, рассматривающимися в свою очередь как единицы определенного уровня абстракции (т.е. ментальные репрезентации). Заметим, что типы устного делового дискурса (см.: [17: 35–80]), коррелирующие с управленческими коммуникативными стилями, на когнитивном уровне формируются доминантными (или базовыми) речевыми тактиками через призму соотношения оппозиции РУКОВОДИТЕЛЬ – ПОДЧИНЕННЫЙ с концептами «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» (см. рис. 4).

При переходе от ментальных репрезентаций (концептов «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» и интерактивных фреймов – речевых тактик) запускаются механизмы (процессы) амплификации точки фиксирования концептуальной оппозиции и интерпретативной концептуализации.

В сознании происходит актуализация соотношений «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» / «РУКОВОДИТЕЛЬ» – «ПОДЧИНЕННЫЙ» посредством амплификации точки фиксирования концептуальной оппозиции в зависимости от характера отношений субъектов общения. Фактор «свойскости» подчиненного в каждом из управленческих коммуникативных стилей влияет на появление новых разнообразных регистров стиля. Иными словами, общение одного и того же руководителя со «своим» подчиненным отличается от общения с «чужим» подчиненным, что и приводит впоследствии к дискурсивной стилистической гетерогенности.

Интерпретативная концептуализация предопределяет семантическую интерпретацию коммуникативной ситуации и средства вербализации конкретной речевой тактики (интерактивного фрейма) в тактических ходах. Механизм интерпретативной концептуализации мы признаем психолингвистическим.

Интерпретация коммуникативной ситуации – это определенное видение, осмысление коммуникативного события (интеракции), которое отображается и вербализуется в интенционально обусловленном тактическом ходе (на основе речевой тактики). Ср. с пропозицией, которая, по С.Д. Кацнельсону, является определенным способом видения, осмысления реального или воображаемого события, который отображается и формулируется в предложении.

Тактический ход – это ментальный «продукт» рефлексии по поводу интеракции; в нем заключено толкование концептуализации как мыслительного аналога ситуации, ее ментальной репрезентации, имеющейся в сознании говорящего в момент «сказывания» [6: 243–263, 452]. Структура концептуализации в определенном смысле изоморфна реальному событию.

В.Г. Гак о ментальном отображении события пишет как о семантической ситуации, которая включает «объекты, их действия и качества, равно как и отношения между ними» [Ор. cit.: 411. Курсив мой. – С.М.]

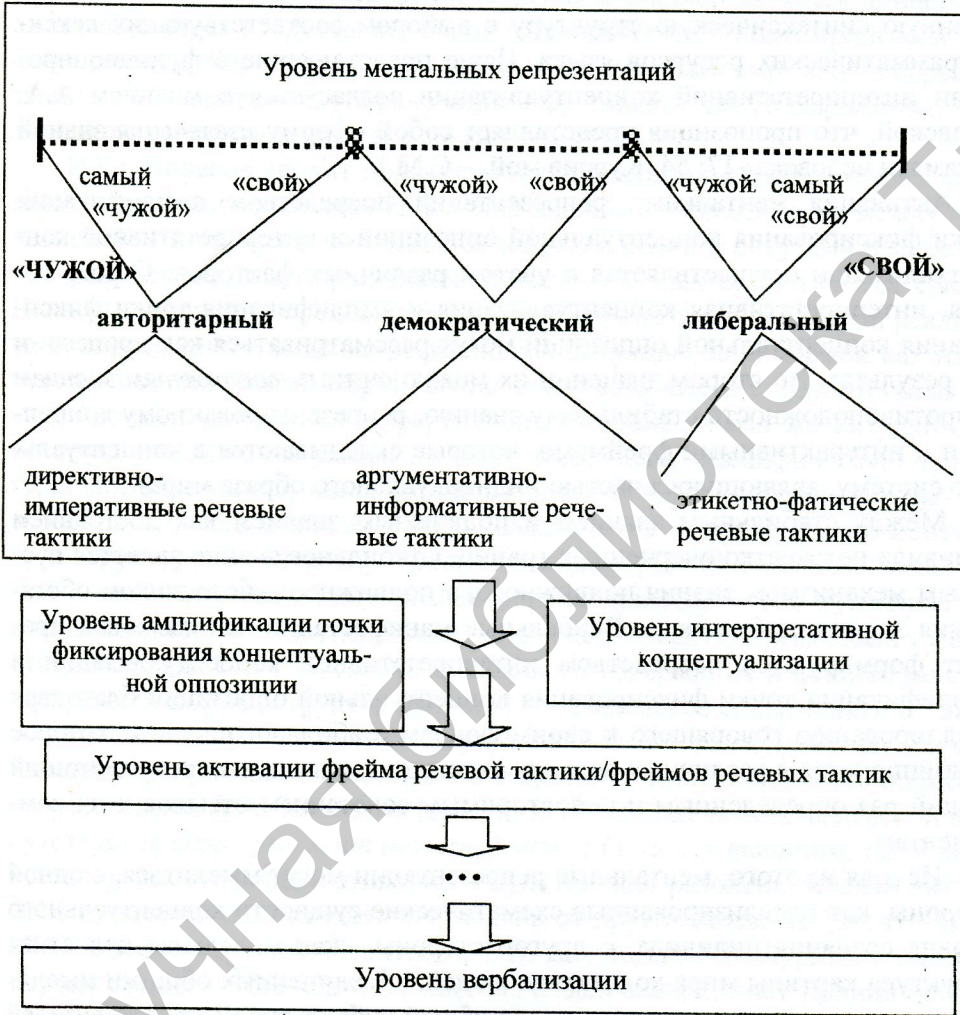

Рис. 4. Схема «пускового момента» перехода от уровня ментальных репрезентаций к уровню вербальной актуализации.

Предлагаемая нами схема «пускового момента» перехода от уровня ментальных репрезентаций к уровню актуализации в вербальной манифестации конкретной речевой тактики отражает вариативную спецификацию концептуальных структур через призму индивидуально-личностных взаимоотношений субъектов дискурса, а также интенциональной и прагматической направленности смысла, вектор которого обусловлен условиями общения как *взаимодействия*.

Таким образом, в основу интерпретативной концептуализации положена идея интерактивности, порождения интенциональности коммуникантами. На уровне пропозиции (тактического хода) в таком случае происходит направленная семантизация смысла, представляющего собой определенную синтаксическую структуру с выбором соответствующих лексико-грамматических ресурсов языка. Наше представление о функционировании интерпретативной концептуализации согласуется с мнением А.А. Залевской, что пропозиция представляет собой «форму извлечения знаний из памяти человека» [7: 54. Курсив мой. – С.М.].

Активация ментальных репрезентаций посредством амплификации точки фиксирования концептуальной оппозиции и интерпретативной концептуализации осуществляется с учетом различных факторов. Строго говоря, интерпретативная концептуализация и амплификация точки фиксирования концептуальной оппозиции могут рассматриваться как процесс и как результат. Во втором значении их можно считать подвижным знанием (в противоположность стабильному знанию, репрезентированному концептами и интерактивными фреймами, которые складываются в концептуальную систему, являющуюся частью индивидуального образа мира).

Между стабильным знанием и подвижным знанием как достоянием индивида нет жестко очерченных границ. Стабильное знание является пусковым механизмом знания подвижного, а подвижное – источником обогащения знания стабильного. Вербальные манифестации как языковой продукт формируются посредством интерпретативной концептуализации и амплификации точки фиксирования концептуальной оппозиции благодаря апеллированию говорящего к своим фондам стабильного знания, которое комбинируется в различных версиях активации ментальных репрезентаций всякий раз определенным и неповторимым сочетанием отсылок к их компонентам.

Исходя из этого, ментальные репрезентации могут мыслиться, с одной стороны, как идеализированные схематические сущности концептуального уровня сознания индивида, с другой стороны, как модельная целостная структура картины мира коллектива людей, объединенных общими мыслительными стереотипами, в том числе общей субкультурой представителей социальных страт.

Высказанное нами предположение о наличии механизмов интерпретативной концептуализации и амплификации точки фиксирования концептуальной оппозиции в соотношении с ментальными репрезентациями (как достоянием индивида) в определенной степени подтверждается положениями, принятыми в психологии и физиологии высшей нервной деятельности, о которых пишет А.А. Залевская в [Ор. cit.: 52–53], ссылаясь на Н.И. Чуприкову, разграничивающую две формы индивидуального сознания (структурную и динамическую), и на П. Линдсей и Д. Норман, постулирующих две составляющие памяти (банк данных и механизм их интерпретации).

Идея о существовании промежуточной структуры как механизма «запуска» ментальной репрезентации в лингвистике не нова и уже высказывалась некоторыми исследователями. Например, в модели продуцирования речи, предложенной В. Левелтом, начальной стадией является концептуализация, которая представляет собой суммарный итог таких процессов, как «намерение, отбор информации, которая должна быть выражена для реализации этого намерения, упорядочение информации для ее выражения, увязывание с ранее сказанным и т.д.» (цит. по [9: 364]).

И.Ю. Колесов вводит понятие «концептуализация референтной ситуации», которое используется «для установления соотношенности между пропозицией – того, что высказывается в предложении о ситуации в мире – и тем референтом, с которым данный языковой знак семиотически связан. Планом содержания предложения является пропозиция, в которой реализовано определенное видение референтной ситуации, понимаемой как избирательно составленный образ того, о чем "сказывается". Данный образ назван "концептуализацией референтной ситуации". Сама же ситуация, на которую предложение указывает <...>, имеет свою специфическую конфигурацию, участников, направление развития и другие признаки, образ которых на основании знания о мире складывается в определенную ментальную структуру – ментальную репрезентацию» [12: 7]. Е.В. Беляевская пишет о «концептуальной внутренней форме» применительно к лексике, выдвигая гипотезу о «"двухслойном" строении семантики языковых сущностей, состоящей из собственно смыслового содержания и концептуальной внутренней формы, структурирующей это смысловое содержание» [2: 313].

Разработанную нами модель управленческого коммуникативного стиля можно попытаться сопоставить с моделью речемыслительного процесса, разработанной А.А. Залевской (см.: [9: 357]). В модели А.А. Залевской присутствует *пусковой момент* (который может быть как внешним, так и внутренним), выступающий отправным пунктом для развития речемыслительного процесса, что отличает эту модель от других моделей 70-х гг. XX в. (Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, Т.В. Ахутиной, А.Р. Лурии), в которых первая стадия / этап – это *мотив*. А.А. Залевская делает принципиально важное для нас наблюдение о том, что с пускового момента «начинается процесс построения образа результата действия: под углом зрения доминирующей мотивации формируется модель складывающейся внешней и внутренней обстановки и с учетом вероятностного опыта принимается соответствующее решение. Продукт этого этапа – образ результата действия – согласуется с высказыванием Л.С. Выготского о том, что *мысль содер- жится в уме говорящего как целое*, а также соответствует "речевой интенции" или "общему замыслу" и отличается принятыми некоторыми моделями "готовой мысли", далее находящей выражение во внешнеречевой форме» [Op. cit.: 356]. См. рис. 5, на котором модель речемыслительного процесса А.А. Залевской нами умышленно элиминирована до первого этапа, который находится в центре нашего внимания (добавим, что помимо этого

на рис. 5 не изображены «многократные петли обратной связи», наличие которых мы полагаем безусловным). Применительно к управленческому дискурсу модель речемыслительного процесса А.А. Залевской можно уточнить и конкретизировать путем включения в нее структур модели управленческого коммуникативного стиля.

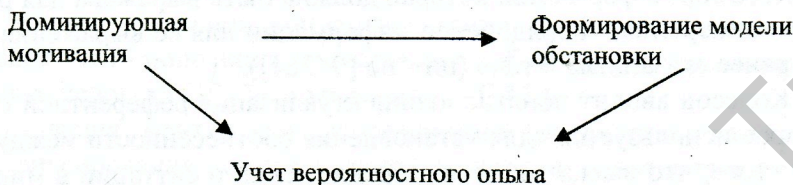

Рис. 5. Модель процесса построения образа результата действия

Так, образ результата действия соотносим с активацией фрейма речевой тактики. Доминирующая мотивация формируется путем активации точки фиксирования концептуальной оппозиции. Учет вероятностного опыта можно конкретизировать, в частности, включив сюда процесс первичной амплификации точки фиксирования концептуальной оппозиции (при условии знакомства собеседников); формирование модели обстановки – по сути это вторичная (ситуативная) амплификация точки фиксирования концептуальной оппозиции и интерпретативная концептуализация. Тогда модель этапа построения образа результата действия примет иной вид (см. рис. 6. – то, что добавлено нами, выделено курсивом).

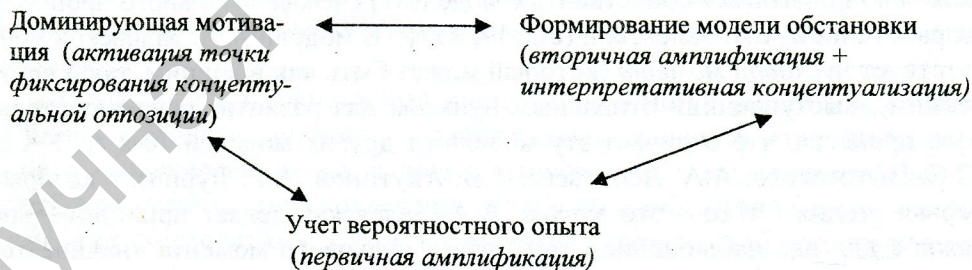

Рис. 6. Модель процесса построения образа результата активации фрейма речевой тактики

С целью уточнения модели амплификация точки фиксирования концептуальной оппозиции условно разделена на первичную (обусловленную устойчивыми отношениями между конкретным говорящим и конкретным слушающим) и вторичную (ситуативную). Эластичность амплификации точки фиксирования концептуальной оппозиции в пределах первичной и

вторичной характеризует степень устойчивости межличностных отношений коммуникантов.

Предлагаемая нами модель управленческого коммуникативного стиля может быть соотнесена с этапами речепорождения, детализированными А.А. Леонтьевым в [15] с опорой на идею фазовой структуры «внутренне-речевого» этапа порождения речевого высказывания, принадлежащую Л.С. Выготскому. По А.А. Леонтьеву, можно представить себе последовательность этапов порождения речи на внутреннеречевом уровне следующим образом. В начале движения лежит система мотивов (1). А.А. Леонтьев, расширяя трактовку мотива Л.С. Выготским, говорит о мотиве как системе внеречевых факторов, образующих мотивацию речевого действия. «На этом этапе осуществляется первичная ориентировка в проблемной ситуации». С этим этапом соотносится активация точки фиксации концептуальной оппозиции.

Мотивация и первичная ориентировка порождают речевую (коммуникативную) интенцию (2). Этот этап соответствует «смутному желанию» или «чувствованию задачи». Ср. категорию «воображаемой ситуации» у Д.Н. Узнадзе. На этом этапе говорящий имеет то, что Дж. Миллер и его соавторы называют «образом результата», но еще не имеет плана действия, которое он должен совершить, чтобы результат получить. Здесь потребность опредмечивается в мотиве, а мотив – это «объект, который отвечает тот или иной потребности и который, в той или иной форме отражаясь субъектом, ведет его деятельность» (цит. по: [15: 137]). В нашей модели это фаза первичной и вторичной амплификации точки фиксации концептуальной оппозиции в совокупности с интерпретативной концептуализацией.

Следующий этап – это этап внутренней программы (3) речевого действия. Он соответствует у Л.С. Выготского «опосредованию мысли во внутреннем слове». На этом этапе происходит опосредование речевой интенции личностными смыслами, закрепленными в тех или иных субъективных (но, конечно, являющихся результатом интериоризации объективных внешних действий) кодовых единицах («код образов и схем» Н.И. Жинкина). А.А. Леонтьев подчеркивает, что здесь речь идет именно о процессе программирования, а не о статичном, закрепленном в каких-то фиксированных формах плане (программе). Программирование есть процесс опосредования речевой интенции кодом личностных смыслов. В нашей модели на этом этапе происходит активация интерактивных фреймов речевых тактик. В этом звене говорящий принимает решение о характере высказывания; дальнейшее уже относится к условиям этого решения.

Этот последний этап, который задействован в модели управленческого коммуникативного стиля, связан с выбором семантических единиц и выбором правил их комбинирования. Заключительный этап речемыслительного процесса, не затрагиваемый нами и не покрываемый механизмами нашей модели, связан с процессами реализации смысловой программы речемыс-

лительного действия, непосредственные результаты которого наблюдаемы в поверхностных структурах высказывания (в системе наших координат – в тактических ходах). Разработанная модель коррелирует с первой ступенью в процессе порождения речи, о котором пишет С.Д. Кацнельсон в работе «Типология языка и речевое мышление» [11: 123–126].

Предложенная модель УКС основывается на анализе дискурсивных практик, отражающих особенности коммуникативных субкультур представителей различных социальных сфер, в которых не всегда отражаются социально значимые идеалы в плане профессиональной реализации, связанные с формированием командных ценностей, сориентированных на интересы дела. Это обстоятельство позволяет говорить о диагностирующем дидактическом потенциале предлагаемой модели, которая, наш взгляд, обладает следующими преимуществами. Во-первых, она предоставляет возможность создания системы идеализированных типовых моделей УКС при учете индивидуально-личностных особенностей субъектов управленческого дискурса. Во-вторых, модель УКС включает в себя механизмы перехода от ментальных репрезентаций к уровню вербализации посредством механизмов, запускаемых промежуточными структурами, учитывающими принцип интерактивности реальной коммуникации. Наконец, данная модель УКС может быть использована как когнитивная основа анализа управленческого дискурса, что позволит приблизиться к пониманию коммуникативных промахов и неудач путем оценки эффективности речевых тактик в составе каждого из УКС. Разработанная когнитивная модель УКС, основанная на деятельностном применении языка, позволяет наметить путь выхода стилистики как раздела науки о языке из зоны научной маргинальности и представляет собой попытку вписать категорию стиля в антропоцентрическую научную парадигму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабурова Н.Б. Стиль политического руководства как фактор эффективности деятельности главы субъекта федерации: Дис. ... канд. социолог. наук. – М., 2005. – 198 с.
2. Беляевская Е.Г. Концептуальные основания семантики и «внутренняя форма» языковых единиц // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. – М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б., 2007. – С. 307–314.
3. Веснин В.Р. Менеджмент. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 504 с.
4. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.
5. Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 104 с.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 460 с.
7. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова: Учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 80 с.
8. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функциониро-

- вания: Монография. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1992. – 136 с.
9. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
 10. Залевская А.А. Единая информационная база человека (к уточнению понятия) // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2009.–№ 25.–Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация».–С.15–20.
 11. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 218 с.
 12. Колесов И.Ю. О связи между ментальной репрезентацией, концептуализацией референтной ситуации и пропозицией как формами представления знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 5–14.
 13. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 28–34.
 14. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 11–24.
 15. Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: Смысл; Издат. центр «Академия», 2005. – 368 с.
 16. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Ком Книга, 2007.–216 с.
 17. Мкртычян С.В. Устный деловой дискурс: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 171 с.
 18. Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Контрастивное исследование лексем с социально сконструированным значением // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: Тез. докл. – М.: Изд-во «Эйдос», 2009. – С. 26–36.
 19. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. – Киев: Лыбидь, 1990. – 192 с.
 20. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.
 21. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. – Ч.2. Этнопсихолингвистика. – М.: Моск. гос. лингвистич. ун-т, 2007. – 228 с.
 22. Прохоров Ю.Е. Язык, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: Дис. ... докт. филол. наук. – М. – Екатеринбург, 2006. – 337 с.
 23. Психология: Словарь / Под общ. ред. А.М. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
 24. Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика.–Вып. 7.–М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. – С. 11–20.
 25. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1975. – 175 с.
 26. Степанов Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. –М.: «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.
 27. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 146 с.
 28. Телия В.Н. Экспрессивность // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Большая Российск. энциклопедия; Дрофа, 1998. – С. 637–638.
 29. Харченко Е.В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах: Дис. ... докт. филол. наук. – М.: РГБ, 2005.
 30. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – Т.2. – 560 с.